SlavVaria 1/2026. 83–91
DOI: 10.15170/SV.1/2026.83

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА ФЕДУНИНА
(Москва, Россия)

# А.С. Суворин и его «автопортрет» на фоне дневника

**Аннотация:** В статье предпринимается попытка реконструировать «автопортрет» журналиста и крупнейшего российского издателя А.С. Суворина (1834–1912) на основе его дневниковых записей, а также наиболее важных этапов его биографии, профессиональной и мировоззренческой эволюции. Анализ дневника Суворина выявляет единый семантический узел в репрезентации соотнесенных самим автором трагических событий своей частной жизни: гибели первой супруги А.И. Сувориной (Барановой) в 1873 г. и сына Владимира в 1887 г. При этом сугубо частная история приобретает публичный характер через резонанс в прессе 1870–1880-х гг., а сквозными темами дневника становятся распад семьи и дома, одновременное представление себя с позиций виновного в трагедии и жертвы обстоятельств.

**Ключевые слова:** А.С. Суворин, дневник, эго-документ, саморефлексия

Дневник Алексея Сергеевича Суворина (1834–1912) – литератора, журналиста, издателя и владельца собственного театра, «первого и единственного русского газетного магната» (СОЛОВЬЕВА, ШИТОВА 2017: 20) – по выражению составителей уникального на сегодняшний день научного издания этих дневниковых записей Д. Рейфилда и О. Макаровой, представляет собой «бесценное собрание свидетельств, по временам сменяющихся горькой исповедью, за которой встает трагическая фигура автора – петербургского короля Лира» (РЕЙФИЛД, МАКАРОВА 2000: VI). Именно на таких страницах дневника Суворина, отражающих частные драматические факты из его биографии, хотелось бы остановиться, поскольку они в большей степени способствуют выражению авторской саморефлексии.

В своей подробной дефиниции эго-документа и дневника как одного из его видов Л.Ф. Луцевич отмечает: «В эго-документе личность автора является смысло- и структурообразующей. Именно ее рефлексии, память, интерпретации обусловливают повествование. […] автор в дневнике, как правило, максимально близок к герою дневника, но вместе с тем автор – это и некий другой, который живет в сознании, руководит поступками, обусловливает оценки и восприятие героя» (ЛУЦЕВИЧ 2018: 48–49). Одним из основных предметов нашего внимания будет именно этот зазор между Сувориным как героем и как рефлексирующим автором дневника,

являющегося по своей природе особой формой «автокоммуникативного текста, где оппозиция автор – адресат имеет принципиальное значение» (КРИВОЛАПОВА 2012: 201). Не углубляясь в развернутую и представленную различными трактовками историю изучения дневника как одного из типов эго-документа, сосредоточимся на представленном в подобном тексте «автопортрете» как способе «определить свою идентичность, обозначить свою “самость”» (ЗУСЕВА-ОЗКАН 2025: 214). В дневниковых записях Суворина, как представляется, нет игровой интенции, связанной с осознанным конструированием автобиографического мифа в терминологии Д.М. Магомедовой: как особого соотношения литературного и биографического рядов в контексте жизнетворческой концепции автора (МАГОМЕДОВА 1997: 7). В случае Суворина мы встречаемся скорее с классической моделью, не отражающей деструктуризации жанрового канона дневника на рубеже XIX–XX вв., о которой пишет Е.В. Глухова в том числе на примере дневника М. Башкирцевой (ГЛУХОВА 2009: 788). Однако в дневнике Суворина, хоть и не всегда эксплицированно, все же проступает разграничение героя рассказываемой истории жизни – и автора, фиксирующего события и дающего оценку не только фактам, но и своим поступкам, реакциям на происходящее с ним. И на этой границе формируется «автопортрет», основные черты которого дают дополнительные ключи для понимания дневника как единого эго-документа и отраженного в нем образа автора.

На фоне карьерного взлета 1870–1880-х гг., когда «“Новое время” А. Суворина получило репутацию печатного органа, не считающегося с авторитетами», воспринимаясь «как явление чего-то нового и необычного» (БАРШТ 2017: 174), контрастно выделяются драматические повороты семейной истории Суворина. 1 мая 1887 г. внезапно кончает с собой один из сыновей Суворина от первого брака, Владимир, студент юридического факультета Санкт-Петербургского университета. «Сын Суворина застрелился, Владимир, студент 21 года. Оставил записку, что жизнь представляет мало интереса» (МАКАРОВА 2014: URL), – делает на следующий день запись в своем дневнике С.И. Смирнова-Сазонова, как бы вписывая этот случай в ряд захлестнувших Россию того времени самоубийств. В дневнике Суворина запись появляется также на следующий день после трагического события: «Вчера застрелился Володя. Я никогда ничего не умел предупредить, и в этом мое горе, мое проклятие. […] Какая-то скверная черта у меня есть – воздерживаться и напускать на себя суровость тогда, когда этого не нужно. Я не умею рассуждать до события, зато потом куда как чувствую и чего-чего не выдумываю самого подходящего. Целые сцены воображаемых разговоров проходят в голове, целые сцены хлопот, моей несказанной доброты и предупредительности переполняют бедную голову, и она работает, работает. Гадко на себя смотреть» (СУВОРИН 2000: 72) (запись от 2.05.1887 г.).

В приведенном фрагменте самим Сувориным открыто дается оценка своих личностных черт, в его дневнике отнюдь не частая, несмотря на общую «исповедальность» дневникового дискурса. На первом плане в его записях обычно события общественной и издательской жизни, театр, но не саморефлексия. Н.А. Роскина, готовившая дневник как единый корпус к научному изданию, отмечала: «Ничего мелкого, сугубо бытового или чисто личного Суворин не записывал» (РОСКИНА 2000: XXXVIII). Тем ценнее такие штрихи к «автопортрету». Итак, выделяется неспособность превентивно или синхронно реагировать на события, требующие немедленного вмешательства, но реконструкция своей возможной реакции на них постфактум. При этом внешние обстоятельства почти не упоминаются, лишь мельком названы проблемы в университете, которые потом были признаны официальной причиной самоубийства (студенту юридического факультета Вл.А. Суворину не был зачтен 2-й семестр 1 курса, что грозило исключением, как уже случилось раньше с гимназией).

Обстоятельства гибели Вл. Суворина послужили для А.П. Чехова одним из источников при переработке финала его рассказа «Володя», а также для развязки линии Треплева в «Чайке». Сошлюсь здесь и на комментарии к академическому полному собранию сочинений Чехова (ЧЕХОВ 1985: 663), и на наблюдения драматурга и режиссера Тэмо Эсадзе (ЭСАДЗЕ 2023: 707–708). Примерно те же аналогии между рядом чеховских сюжетов и семейными драмами Суворина проводит Д. Рейфилд: «Потом в своем творчестве Чехов даже будет эксплуатировать образ своего покровителя. Всему суворинскому кругу было ясно, что в пьесе “Дядя Ваня” угрюмый старик Серебряков, окрысившийся на скучающую молодую жену, – это Суворин. Сама Анна Ивановна писала Чехову, как она любила смеяться, когда смотрела “Дядю Ваню”, потому что узнавала всех “своих”. Смерть Треплева в пьесе “Чайка” сильно расстроила Суворина, напомнив ему гибель его сына Володи. Даже собака Нины Заречной – Трезор – носит имя любимой собаки Володи и А.С. Сувориных» (РЕЙФИЛД 1999: URL).

Основные факты были изложены 4 мая 1887 г. в подробном отчете газеты «Русские ведомости» (в отличие от «Петербургского листка», где 2 мая вышла лаконичная заметка под названием «Самоубийство», причем отчество Владимира ошибочно указано как «Александрович» (БЕЗ ПОДПИСИ 1887: 2)). Указывается на неожиданность самоубийства, совершенного выстрелом в сердце из револьвера системы Кальба, при сохранении в целом привычного распорядка дня для семьи и самого Вл. Суворина; обозначаются детали обнаружения тела и т.п.

Ничего из этих подробностей, разумеется, уже известных Суворину-старшему, в дневниковых записях ближайших к трагической дате дней не упоминается. Их лейтмотивами становятся:

1) уже отмеченное выше самообвинение в неспособности предотвратить гибель сына, на которое накладываются упреки Владимиру в причи-

ненном отцу и семье горе. Ср. в записи от 3 мая, после похорон: «Каторжный характер: живых любить не умею, начинаю любить мертвых. […] Если бы кто-нибудь был, кто бы мне советовал, кто бы меня подталкивал, указывал на мои ошибки, бранил бы меня, спорил – никого никогда не было. В сущности я был один, и все кругом меня также мелки, также близоруки, как я. […] Володя совсем забыл, что он мне наносит боль, большую боль» (СУВОРИН 2000: 75). Здесь смыкаются полярные, казалось бы, позиции виновного в трагедии и жертвы, самообвинения и самооправдания.

2) сознание собственного одиночества в семье и мире; попытки понять причины произошедшего, частные (душевная болезнь сына, «мгновение скуки, одиночества, в котором он сам с собою должен был разбираться» (СУВОРИН 2000: 76)) и общие, которые Суворин видит в отсутствии нравственной опоры у современного юношества как в семье, так и со стороны государства: «Мир перестраиваем, судим и рядим, а дети остаются одни, со своим разумом, с отсутствием опыта. […] Упрекая наших детей в эгоизме, мы не замечаем, что сами величайшие эгоисты. И государство поступает так же. Оно ужасный эгоист и так же пренебрегает воспитанием граждан. Беда нам всем, и, может быть, счастливее те, которые самовольно уходят от этой жизни» (СУВОРИН 2000: 76) (запись от 3.05.1887 г.).

В этом же контексте – резкая оценка распространенного к тому времени, позитивистского в своей основе стремления объяснять все в человеке дурной наследственностью или влиянием среды: «Тут наследственностью все объяснить – просто безнравственно. Это заставляет закрывать глаза на причины дела. Прежде лучше воспитывали, а когда пошла эта “наследственность” да “среда” – ни к черту все стало не годно» (СУВОРИН 2000: 75) (2 мая 1887 г.).

3) «гибель прекрасной души и, может быть, большого таланта» (СУВОРИН 2000: 77) (5 мая 1887 г.). Упоминается о чтении комедии Володи с совершенно «островским» названием «Старый глаз – сердцу не указ» и слова Я.П. Полонского о внешних признаках, предвестниках близкой смерти на лице сына («гиппократовы черты»).

4) пророческие размышления о том, что деньги и благосостояние оказали губительное действие на отношения и судьбу его семьи, лишенной объединяющего женского начала: «Что мне дало это благосостояние, эти деньги? Ровно ничего, я в них лично не нуждался, но они испортили все отношения, испортили жизнь детей, испортили мою жизнь. […] Но деньги дали неравенство, зависть, пренебрежение к труду, мечтательность. Я ими не умел пользоваться разумно […] Хозяйки нет, нет распорядительницы, нет души дома, а без нее – беда, и эта беда повисла надо мной и сказалась так страшно» (СУВОРИН 2000: 80) (29 мая 1887 г.).

Эта мысль и параллель между приведенными Суворинym причинами распада семьи (упрочившееся благосостояние при отсутствии хозяйки

семейного очага) требуют небольшого отступления. В записи от 2 мая 1887 г., непосредственно после трагического события, он рассказывает еще одну семейную историю, которую также «не мог и не умел предупредить» (СУВОРИН 2000: 72) и которая в свое время стала сенсацией в отечественной прессе. Речь идет о гибели первой супруги Суворина Анны Ивановны, урожд. Барановой (1840–1873), переводчицы, составительницы антологий для детского чтения. Союз с первой супругой осознавался самим Сувориным как поворотная точка на пути к формированию в качестве журналиста и публициста. «Не будь Анюты, которая подбивала, ободряла и вообще имела на меня большое влияние, я, вероятно, так в Боброве и просидел бы целую жизнь» (СУВОРИН 2000: 213), – пишет Суворин в 1896 г., вспоминая о своем переезде в Москву, затем в Петербург и о вступлении в мир отечественной периодики. Тем сильнее контраст с финалом супружеской жизни, также отображенным в дневнике. «Дело г-жи Сувориной» вкратце состояло в следующем. Поздним вечером 19 сентября 1873 г. (И. Паперно называет другую дату, 18 сентября: (ПАПЕРНО 1999: 102)) 33-летняя супруга Суворина, на тот момент сотрудника «Санкт-Петербургских ведомостей», находилась в отеле “Belle Vue” на Невском проспекте в обществе влюбленного в нее кандидата права Санкт-Петербургского университета Тимофея Ивановича Комарова, вхожего в самый тесный семейный круг Суворинных. Около полуночи она была смертельно ранена выстрелом из револьвера; совершив убийство, ее спутник покончил с собой.

«Господи, как я помню старое», – пишет Суворин 2 мая 1887 г. после самоубийства сына, и сразу же переходит к детальному рассказу о том, как он, провожая жену в тот день, просил ее купить башмачки Володе и Вале (Валериану, слабому здоровьем и умершему примерно через год после самоубийства его брата Владимира). Сквозные линии в этой части дневниковой записи – вынужденная публичность горя, к тому же связанного с особенностями внутрисемейных отношений между супругами: «Толпа народа. “Вот муж, муж”, – слышал я по сторонам. Вошел в комнату, полную народа. […] Среди комнаты был круглый стол, за которым следователь разбирал бумаги, считал деньги, вынутые из ее кармана» (СУВОРИН 2000: 73). Далее названы фальшь, взаимная ложь и непонимание как причины трагедии. Суворин упоминает, что при розысках своей супруги в тот день он встретил ее двойника (увидел ее в таких же дрожках, повернувших, однако, не к дому, а в другом направлении). Первые слова жены, адресованные ему после покушения: «“Голубчик, миленький, простите меня, я вас обманула. […] Она бредила и прерывала бред словами: “Простите меня, простите”» (СУВОРИН 2000: 73). Суворин продолжает сквозную тему взаимной вины, вновь смыкая историю из семейного прошлого с недавней трагической гибелью сына: «Она просила прощения у меня, а виноват был я; формально она была виновата, но в существе дела я, я один…» (СУВОРИН 2000: 73–74).

Соотнести запись 1887 г. с другой, максимально приближенной во времени к самому событию, мы, к сожалению, не можем. Ее или не было вовсе (Суворин сам сетовал на то, что записывает «очень неаккуратно» (СУВОРИН 2000: 253)), или она не сохранилась, или недоступна в настоящий момент исследователям. (Часть разрозненных листов из Дневника, по предположению Н.А. Роскиной, была передана сыновьям Суворина после их эмиграции и бесследно пропала). Единственная запись за 1873 г., от 14 мая, однако, продолжает ту же цепочку исключительных событий, произведших сильное и тяжелое впечатление на автора Дневника (именно ею открывается доступный нам корпус записей). Она посвящена еще одному громкому «литературно-уголовно-военному делу» (ДЕМЕРТ 1872: 49, отд. паг.), как называет его в своем отклике на это событие литератор и журналист Н.А. Демерт. Речь идет о дуэли Александра Федоровича Жохова (1840–1872), публициста, который сотрудничал, в частности, с «Народным богатством», «Санкт-Петербургскими ведомостями» и «Вестником Европы», и адвоката, публициста Евгения Исааковича Утина (1843–1894). Секундантом Утина был ближайший сотрудник Суворина по издаваемой им газете «Новое время» – литературный критик и известный автор пародий Виктор Петрович Буренин (1841–1926). Дуэль с романтической подоплекой, после которой, по свидетельству Суворина, Буренин поклялся «ни за какие блага в мире» (СУВОРИН 2000: 1) больше не выступать секундантом, имела самые трагические последствия: смертельное ранение Жохова, самоубийство его жены, а затем ее сестры, суд над Утиным и приговор к заключению в крепости.

Таким образом, мы сталкиваемся с единым семантическим узлом, связанным с темой насильственной гибели, который по ассоциативной цепочке выстраивается Сувориным в его дневниковых записях. При этом сугубо частная история, провоцирующая автора дневника на более глубокое, нежели обычно, раскрытие своих личностных черт и рефлексию, так или иначе приобретает публичный характер через резонанс в отечественной прессе 1870–1880-х гг. Несомненно, отзывается здесь и «эпидемия самоубийств» на рубеже веков, и характерное для Суворина этого времени в целом консервативное мировосприятие («прежде лучше воспитывали» молодежь; ср. с либерально-консервативным направлением суворинской газеты «Новое время» (САНЬКОВА 2011: 7)). Так реальные трагические события из биографии Суворина привносят новые черты в его «автопортрет», в то же время проецируясь на общие мировоззренческие процессы конца XIX в. и их отражение в прессе и литературе.

Если же говорить о личностных характеристиках автора Дневника, которые проступают в рассмотренных выше записях, их можно определить как парадоксальную пограничность, двойственность. Как отмечает О. Макарова, «Суворин столь же типичен для своего времени, сколь и парадоксален. Канва его биографии – типично разночинская и к тому же выдающаяся в смысле достигнутого жизненного успеха, в то время как

его самосознание и эволюция его взглядов идут вразрез с разночинской идеологией шестидесятников, будь то радикальной или либеральной» (МАКАРОВА 2019: 10). Безусловно, в этом контексте имеет значение и обозначенное самим Сувориным «переходное время» рубежа XIX–XX вв.

Но думается, что еще один из ключей к пониманию «парадокса Суворина» стоит поискать на пересечении его самовосприятия как человека общественного и частного. Столкновение двух этих ипостасей личности, проявленное в дневнике как эго-документе, показывает издателя и журналиста, чья деятельность, прежде всего, связана с публичностью и определенной общественной ролью, за пределы которой он не может выйти даже в самые трагические моменты своей жизни (вынужденная публичность горя после гибели первой жены и сына).

*Человек частный* предстает в дневниковых записях Суворина одновременно как виновник и жертва драматических событий. Не случайно сквозными мотивами становятся самообвинения и в то же время собственное одиночество, удел оставаться не понятым самыми близкими людьми. Симптоматична последняя недатированная запись в дневнике, которая показывает всю глубину одиночества – на этот раз перед собственной смертью, близость и неотвратимость которой осознается автором дневника: «Кругом все молчат. У всех секрет: сей старец доживает последние дни» (СУВОРИН 2000: 549). Пользуясь терминологией, которую разрабатывает в своих исследованиях В.И. Тюпа, здесь можно усмотреть следы кризиса «уединенного сознания»: «открытие “другого” в качестве полноценного и полноправного субъекта жизни, открытие непретворимой “другости” всяческого “не-я”» (ТЮПА 2009: 55). При переживании такого кризиса самоценность уникального «я» вступает в неразрешимое столкновение с «другими», их «правдой» и мировосприятием. Отсюда повторяющиеся упоминания о «формальной» вине первой супруги в измене, а покончившего с собой сына – в горе, причиненном отцу; но на эту «формальную вину» накладывается рефлексия над собственной виной и поиском истинных причин. Именно в этой точке становится заметным зазор между героем дневника и его рефлексирующим автором, о котором шла речь в начале статьи. При этом проблема личностной индивидуальности, очевидно, была значима и для профессиональной деятельности Суворина, во многом определяя его издательскую стратегию. Характеризуя принципы и методы работы Суворина с «психологией множеств», И. Соловьева и В. Шитова отмечают, что «…сам Суворин с выискивающей прозорливостью распознавал в каждом человеке не его интимное отличие от прочих, а его интимное подобие им» (СОЛОВЬЕВА, ШИТОВА 2017: 62).

Исходя из сказанного выше, в качестве одной из важнейших проблем в дневниковых записях Суворина можно выделить восприятие себя в процессе взаимоотношений с «другими», а также связанный с этим взгляд на себя с сугубо внутренней и с отчасти внешней позиции. Более лаконично

этот комплекс вопросов можно было бы обозначить как «Я и Другие», а также «Я сам как Другой» – аспект, закономерно вытекающий из самой природы эго-документа как авторского свидетельства о себе в окружающем мире в определенных временных координатах.

**Литература**


БАРШТ 2017 = БАРШТ К.А. «Цинический реализм» В. Буренина как претекст «реализма в высшем смысле» Ф. Достоевского // Вопросы литературы, 2017. № 6. 165–190.

БЕЗ ПОДПИСИ 1887 = БЕЗ ПОДПИСИ. Самоубийство // Петербургский листок, 1887. № 116. 2 мая. 2.

ГЛУХОВА 2009 = ГЛУХОВА Е.В. Об эволюции дневникового жанра // Поэтика русской литературы конца XIX — начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. Науч. ред. Келдыш В.А., Полонский В.В. Москва, 2009. 786–805.

ДЕМЕРТ 1872 = ДЕМЕРТ Н.А. Наша современная литература. (Листки из общественной хроники) // Отечественные записки, 1872. № 9. 48–76. Отдельная пагинация.

ЗУСЕВА-ОЗКАН 2025 = ЗУСЕВА-ОЗКАН В.Б. Нарративная структура и проблема самоидентификации в «Признаниях внука Подпольного человека» А.А. Барковой // Эго-документ в культуре Серебряного века. Отв. ред. Глухова Е.В. Москва, 2025. 212–225. DOI: 10.22455/978-5-9208-0821-9-212-225

КРИВОЛАПОВА 2012 = КРИВОЛАПОВА Е.М. К вопросу о жанрообразующих признаках дневника // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2012. № 5 (49). 198–203.

ЛУЦЕВИЧ 2018 = ЛУЦЕВИЧ Л.Ф. Документальность, эго-документ, русская писательская исповедь // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым. Отв. ред. Куренная Н.М. Москва, 2018. 41–62. DOI: 10.31168/0402-2.3

МАГОМЕДОВА 1997 = МАГОМЕДОВА Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. Москва, 1997.

МАКАРОВА 2014 = МАКАРОВА О. А.С. Суворин в дневниках С.И. Смирновой-Сазоновой. Часть 1 // Новое литературное обозрение, 2014. № 6 (130). https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/130_nlo_6_2014/article/11210/ (Дата обращения: 9.10.2024).

МАКАРОВА 2019 = МАКАРОВА О. «Женский вопрос» в жизни и творчестве А.С. Суворина. Москва, 2019.

ПАПЕРНО 1999 = ПАПЕРНО И. Самоубийство как культурный институт. Москва, 1999.

РЕЙФИЛД 1999 = РЕЙФИЛД Д. Король Лир из Санкт-Петербурга // Персона, 1999. № 11. https://socarchive.narod.ru/infochan/person/n11/1121.htm (Дата обращения: 9.10.2024).

РЕЙФИЛД, МАКАРОВА 2000 = РЕЙФИЛД Д., МАКАРОВА О. Предисловие // Дневник Алексея Сергеевича Суворина. Текстол. расшифровка Роскинойц

Н., подгот. текста Рейфилда Д., Макаровой О. 2-е изд., испр. и доп. London, Москва, 2000. V–XXXII. Отдельная пагинация.
РОСКИНА 2000 = РОСКИНА Н.А. Дневник Суворина как архивный документ // Дневник Алексея Сергеевича Суворина. Текстол. расшифровка Роскиной Н., подгот. текста Рейфилда Д., Макаровой О. 2-е изд., испр. и доп. London, Москва, 2000. XXXIII–XL. Отдельная пагинация.
САНЬКОВА 2011 = САНЬКОВА С.М. Два лица «Нового времени». А.С. Суворин и М.О. Меньшиков в зеркале историографии. Орел, 2011.
СОЛОВЬЕВА, ШИТОВА 2017 = СОЛОВЬЕВА И., ШИТОВА В. А.С. Суворин: портрет на фоне газеты. Москва, 2017.
СУВОРИН 2000 = СУВОРИН А.С. Дневник Алексея Сергеевича Суворина. Текстол. расшифровка Роскиной Н., подгот. текста Рейфилда Д., Макаровой О. 2-е изд., испр. и доп. London, Москва, 2000.
ТЮПА 2009 = ТЮПА В.И. Литература и ментальность. Москва, 2009.
ЧЕХОВ 1985 = ЧЕХОВ А.П. Полное собрание сочинений: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 6. Москва, 1985.
ЭСАДЗЕ 2023 = ЭСАДЗЕ Т. Чехов: Надо жить. Водевиль с тремя печальными сестрами и их непутевым братом, или К вопросу об истории одного заблуждения. http://chehov-lit.ru/chehov/kritika/temo-esadze-chehov-nado-zhit/index.htm (Дата обращения: 13.10.2024).

**A.S. Suvorin and his “self-portrait” against the background of his diary.** This article attempts to reconstruct the “self-portrait” of journalist and leading Russian publisher A.S. Suvorin (1834–1912) based on his diary entries, as well as the most important stages of his biography and professional and ideological evolution. An analysis of Suvorin’s diary reveals a single semantic node in the representation of tragic events in his private life, as related by the author himself: the death of his first wife, A.I. Suvorina (Baranova), in 1873, and his son, Vladimir, in 1887. At the same time, this purely private story acquires a public character through its resonance in the press of the 1870s and 1880s, and the diary’s recurring themes are the disintegration of family and home, and the simultaneous presentation of oneself as both a perpetrator of the tragedy and a victim of circumstance.

**Keywords:** A.S. Suvorin, diary, ego-document, self-reflection

Ольга Владимировна Федунина, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, отдел «Литературное наследство». Москва
E-mail: fille.off@gmail.com